

УДК 801.73

**О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ВОПЛОЩЕНИЯ
ПОЭТИКИ ТАЙНЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
(на материале романов «Преступление и наказание»
и «Братья Карамазовы»)**

© Людмила Евгеньевна ХВОРОВА

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
профессор факультета русского языка Бийханьского института внешних дел
Тяньцзиньский университет иностранных языков
Китайская Народная Республика, г. Тянь-Цзинь, Хэси р-он, ул. Рейс Корс, 117
E-mail: xwogowa.mila@yandex.ru

© Цзоу Хаопин

магистрант направления подготовки «Русская литература»
Тяньцзиньский университет иностранных языков
E-mail: 958834058@qq.com

Ф.М. Достоевский – писатель, для которого понятие «тайна» является одним из основополагающих, любимых. Можно сказать, что сам Ф.М. Достоевский как «биографический автор» (мы имеем в виду термин М.М. Бахтина) вместе со всем своим творчеством, а также просто как человек до сих пор остается неразгаданным, до конца не понятым, своеобразной «большой тайной». Его по праву называют писателем-пророком, а пророчества гения открываются постепенно, спустя историческое время, иногда очень длительное. Будучи не только великим писателем, но и великим психологом, философом, знатоком человеческой души, он, тем не менее, всю жизнь стремился познать глубину души человека, тайники его мыслей, чувств, эмоций. Главную тему своего творчества он, как хорошо известно, определял так: «Человек есть тайна; ее надо разгадать, и если будешь разгадывать всю жизнь, не говори, что потерял жизнь. Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». В своем первом романе «великого пятикнижия» «Преступление и наказание» (1866), написанном после каторги, одной из таких глубоких тайн является душа главного героя Родиона Раскольникова, пошедшего на страшное преступление – убийство человека ради проверки придуманной им теории. Со времени написания романа прошло уже чуть более 150 лет, но тайна души Раскольникова, равно как и тайна многих других характеров, в том числе самого последнего, незаконченного романа «Братья Карамазовы», во многом так и остается тайной до сих пор, несмотря на то, что как этот роман, так и все его творчество, кажется, уже изучено вдоль и поперек. В аспекте «тайны» рассмотрены некоторые штрихи характеристик отдельных персонажей (Раскольников, Раскольников – Иван Карамазов, Свидригайлов, Дуня), так и некоторых сюжетных линий (Раскольников – отец Раскольникова, Свидригайлов – Дуня). Специфика тайны у Ф.М. Достоевского выражается и через различные приемы, например, прием недосказанности (своеобразная, индивидуальная манера письма), сон – явь, полуявь – полусон – смерть Свидригайлова, отношения Свидригайлова и его жены, Свидригайлова и Дуни, лейтмотивное наполнение некоторых значимых образов, в том числе и образов-предметов (секира – топор) и т. д.

Ключевые слова: тайна; роман; сюжетные линии; мотив; семантическая характеристика; подтекст; недосказанность; сон; явь; образы

Повествование в первом романе «великого пятикнижия» «Преступление и наказание» (1866) построено таким образом, что своеобразной «тайной» на фоне многого другого являются и некоторые черты характера главного героя. Так, например, то, что Раскольников по своей натуре человек добрый, не слишком видно, заметно читателю, хотя многие, окружающие его персонажи, конечно же, это не только замечают, но и испытывают на себе. Читательская рецепция, тем не

менее, к глубокому сожалению, уже не одно десятилетие акцентирует другое: в большей степени привлекательной является «философия» Раскольникова, часто именно поток его мыслей, которые самого героя чуть было не довели до безумия. При этом мало учитывается то, что это все же художественное произведение со своим специфически сложным механизмом развития, а не философский трактат. Ф.М. Достоевский прежде всего – гениальный *писатель и художник слова*.

Доброту Родиона в романном пространстве многие чувствуют интуитивно, тянутся к нему вполне бессознательно. Это можно обнаружить, осмыслить через некоторые приемы «недосказанности», например, через сны. Сам он, в свою очередь, тоже творит множество добрых дел *неосознанно, не задумываясь*, что, кстати, и является самым важным качеством доброты, бескорыстия, *внутренней* открытости.

Обратимся к первому в канве романа сну Раскольникова, казалось бы, хорошо известному со школьных лет. Сон полифоничен по смысловому наполнению. В рамках данной статьи обратимся в нем лишь к одному контуру конкретной сюжетной линии – «Родион – его отец».

Гуляя с отцом, он видит, как жестоко избивают лошадь. Ребенок потрясен: он не понимает, как можно так издеваться над животным [2]. «Папочка, папочка, – кричит он отцу, – папочка, что они делают? Папочка, бедную лошадку бьют!»

– Пойдем, пойдем! – говорит отец, – пьяные, шалят, дураки: пойдем, не смотри! – и хочет увести его, но он вырывается из его рук и, не помня себя, бежит к лошадке. Но уж бедной лошадке плохо. Она задыхается, останавливается, опять дергает, чуть не падает. <...> Он бежит подле лошадки, он забегает вперед, он видит, как ее секут по глазам, по самым глазам! Он плачет. Сердце в нем поднимается, слезы текут. Один из секущих задевает его по лицу; он не чувствует, он ломает свои руки, кричит, бросается к седому старику с седой бородой, который качает головой и осуждает все это. Одна баба берет его за руку и хочет увести; но он вырывается и опять бежит к лошадке.

– Папочка! За что они... бедную лошадку... убили! – всхлипывает он, но дыхание ему захватывает, и слова криками вырываются из его стесненной груди. <...> Пьяные, шалят, не наше дело, пойдем! – говорит отец. Он обхватывает отца руками, но грудь ему теснит, теснит. Он хочет перевести дыхание, вскрикнуть, и просыпается» [2, т. 5, с. 80-82]. В этой сцене четко видно, что маленький Родя – необыкновенно добрый и чувствительный ребенок, и эти качества впоследствии становятся в романе своеобразной «тайной» от всех. Самые важные черты характера своего героя Ф.М. Достоевскому необходимо

спрятать, и это он делает по разным причинам. Ему, разумеется, надо показать характер Раскольникова максимально сложным, держать в постоянном напряжении читателя, чтобы подвести его к весьма правдивой и логичной развязке в финале. Многие исследователи, между прочим, и до сих пор не склонны обращать внимание на очень важные, ключевые, строки романа, где описан момент перерождения духовно измученного героя.

Небезынтересно проследить и за поведением отца, который фактически «умывает руки», а самое страшное – призывает к этому и ребенка: «пойдем, не наше дело!» «Умывание рук» – один из ключевых аспектов предательства как онтологической сущности. Здесь уже сам отец предает многое – и в себе, и в своем сыне. Для Ф.М. Достоевского же всегда был очень важен момент воспитания. Примечательно, что предпоследним в «великом пятикнижии» является именно роман «Подросток», где акцентируется роль едва ли не самая ключевая именно отцов в становлении личностей детей, и прежде всего сыновей, и выводится на первый план тема «случайного семейства». Она естественным образом перейдет и в его итоговый роман «Братья Карамазовы», где автор наглядно демонстрирует, как грехи отцов развивают греховные мысли в глубоких тайниках душ их детей, а отцы, в свою очередь, становятся заложниками этих мыслей, а в конечном счете – своих собственных греховных мыслей и деяний.

Убивая человека, Раскольников *ударом топора* как бы кромсает, *рассекает* самого себя. Все в нем приходит в хаотичное движение: он содрогается, распадается, рассыпается, «дробится». Неслучайно автор, воспроизводя сон героя, многократно повторяет не глагол «бить», а именно «сечь». То доброе чувствительное, что в нем было, уходило куда-то, в самые тайники его души, оказывалось спрятанным от всех. Сила мышления расслабилась, раздробилась, ум помрачился. Из всех сил он напрягается, чтобы собрать в самом себе все гармоничное, душевное. Он почувствовал в себе самый страшный беспорядок: что-то совсем непонятное, новое, необычное происходило с ним, по уточнению автора. Его герой никогда раньше не ощущал такого страшного и странного чувства.

Ф.М. Достоевский особо подчеркивает, что это было «мучительное ощущение», более, чем сознание, чем понятие. Не случайно автор замечает, что его личность потеряла «какие-то очевидные *свои основы*», он не мог ни на чем сконцентрироваться, не мог собрать свои мысли, то есть найти в себе самом то доброе, настоящее, *основное*, что было заложено в него от рождения. Эта раздвоенность – один из главных стержней трагедии Раскольникова. Все же самое доброе – настоящее, пряталось в глубоких тайниках его души.

Уже не просто топор, но «секира – топор» появляется в последнем романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». «Кошмар – бред» Ивана Карамазова, его «разговор с чертом» обнаруживают те же, что и у Раскольникова когда-то, но уже более утрированные, ярко выраженные черты безумия; если Раскольникова в конце концов ждет благодатный финал, надежда на счастливую будущую жизнь с Соней, воскресившая их обоим любовь друг к другу, то тайна Ивана, по нашему мнению, навсегда остается тайной, поскольку его безумие уходит в бездну неразгаданного в силу незавершенности романа в целом, вызванного внезапной смертью писателя.

Больному сознанию Ивана (Книга одиннадцатая, Глава IX «Черт. Кошмар Ивана Карамазова») мерещится огромное, пустое космическое пространство, где лютый холод, где леденеет не только человек, но и вообще все, что зовется духом. В этих пространствах везде мороз, но такой мороз, который уже и морозом назвать невозможно. Иван разговаривает с необычным гостем – с Чертом: «...можешь представить: сто пятьдесят градусов ниже нуля! Известная забава деревенских девок; на тридцатиградусном морозе предлагаю новичку лизнуть топор; язык мгновенно примерзает. И олух в кровь сдирает с него кожу; так ведь это только на тридцати градусах, а на ста-то пятидесяти, да тут только палец приложить к топору, и его как не бывало, если бы только там мог случиться топор...» [2, т. 14, с. 334] Далее, в диалоге с Чертом речь идет уже о вращающемся вокруг земли «топоре – спутнике». На вопрос Ивана – что станет в таком пространстве с топором, необычный собеседник ответил спокойно и пророчески-мудро: «Что станет в пространстве с топором?

Quelleidée! Если куда попадет подальше, то примется, я думаю, летать вокруг Земли, сам не зная зачем, в виде спутника. Астрономы вычислят восхождение и захождение топора... вот и все» [2, т. 14, с. 334]. То есть секира – топор, вращаясь вокруг земли, немилосердно кромсал бы все живое, если бы поднялся над земной сферой. В XXI веке страшное космическое оружие едва ли можно считать тайной. Кошмар Ивана Карамазова превращается в «кошмар всего человечества». Вот так своеобразно, символически Ф.М. Достоевский предвидел грядущие войны, в том числе и космические, «тайны будущего», могущие уничтожить все живое на земле. Диалог гениально строится следующим образом: что страшит Ивана и подводит его к грани безумия, кажется абсолютно нормальным и невозмутимо – спокойным для Черта. При этом сам Злой Дух находится не где-то за пределами недостижимости, а тут, рядом, можно сказать, в сознании самого человека. Да и как такового *злого, страшного, чудовищного* в необычном собеседнике Ивана напрочь нет. Напротив, он спокоен, обаятелен, невероятно откровенен, красив, почтен, словом, обладает всеми качествами, способными околдовать, обманно очаровать человека, подчинить его себе, завлечь его всеми силами до такой степени, что оторваться от него на каком-то этапе самому человеку будет уже едва ли возможно. Неистовствует Иван, а его собеседник, напротив, ведет себя привлекательно и спокойно, пытаясь очаровать свою жертву томно-притягательными голосовыми интонациями в том числе. Попутно запомним, что образ Злого Духа в русской культурной традиции практически всегда либо смешон, либо весьма и весьма привлекателен.

Одним из подобных сложных и загадочных персонажей романа «Преступление и наказание», в котором зло может быть невероятно привлекательно, читатель наверняка назовет Аркадия Ивановича Свидригайлова и будет, безусловно, прав. Прежде всего потому, что его характер полон противоречий; кажется, что в нем и плохое, и хорошее, и ужасное, и привлекательное как бы сосуществуют вместе. Он – «мезкий сладострастник», таскающийся по грязным кабакам, соблазняющий молоденьких барышень, к тому же убивший, вероятно, свою жену. В то же

самое время он готов, не задумываясь, отдать деньги для бедных детей семьи Мармеладовых. Именно Свидригайлов предлагает Дунечке свое содействие по спасению ее брата от тюрьмы, говорит ей, что может организовать его бегство за границу.

В романе представляется достаточно сложной и не вполне ясной сюжетная линия «Свидригайлов – его жена – Дуня Раскольников». История Свидригайлова рассказывается в «Преступлении и наказании» разными лицами, в частности, например, пересказывается матерью Раскольникова в письме к сыну. Мать, конечно же, не может знать всех подробностей жизни своей дочери в богатом доме Свидригайловых. Ее рассказ содержит лишь контуры загадочной истории, которая происходила между ним и Дуней. Не вполне понятно также из сюжета романа, кто был убийцей жены Свидригайлова. Пульхерия Александровна не знает и не может знать оттенков отношений своей дочери и этого человека.

Между тем в романах Ф.М. Достоевского никогда не бывает ничего случайного. Очень часто многое уходит в подтекст, в глубины, тайники повествования, о чем-то можно только догадываться. Но совершенно очевидно одно: у этого автора никогда не бывает все однозначно просто и банально, а сюжет не проявляет себя только лишь открытой, замысловатой цепочкой событий.

Обычно, как это удобно и привычно для рассуждений, если можно так сказать, стереотипно, то в сцене свидания с Дуней обращают внимание прежде всего на поведение Свидригайлова и на то, что он говорит о Раскольникове. Но в этой сцене присутствует еще и Дуня со своими очень непростыми психологическими чувствами. Вообще, надо сказать, что эта героиня обычно «прочитывается» прежде всего как «сестра Раскольникова»; в обширном океане исследований о Ф.М. Достоевском ей уделяется очень мало внимания как фигуре самостоятельной. Между тем облик Дунечки насколько прекрасен (она красива как своими благородными поступками – жертвенной любовью к брату, так и внешне), настолько и психологически сложен. Дуня – живой человек; она не может быть некой «схемой», как и практически все герои Ф.М. Достоевского, даже эпизодические. Она согласилась на брак с Лужиным – мерз-

ким, отвратительным, но богатым человеком, и почему-то категорически отвергает Свидригайлова, который, кажется, гораздо более расположен к ее брату. Более того, его предложения весьма заманчивы и соблазнительны для Раскольникова, а главное, что Свидригайлов, в самом деле, любит Дуню, любит до страсти, до исступления.

Обычно исследователями предлагаются ответы: он преследует Дуню, клеветает на нее, то есть то, что читатель узнает в основном и в целом из письма к матери.

Тут следует заметить следующее. И Лужин, и Свидригайлов в чем-то (не во всем, разумеется), но очень похожи. Так возникает вполне логичный вопрос: зачем надо Ф.М. Достоевскому, чтобы возле Дуни оказались два приблизительно схожих друг с другом типажа (во всяком случае, по контурам рисунка их характеров)?

Между тем в романе есть сцена, когда Свидригайлов, разговаривая с Дуней, напоминает ей об одной из их встреч в саду его богатого дома: «Эге, Авдотья Романовна! Видно забыли, как <...> склонялись и млели... Я по глазкам видел, помните, вечером-то, при луне-то, соловей-то еще свистел».

Между героями происходит сложная психологическая сцена. При внимательном чтении ее становится понятно, что между ними существовали не совсем непростые отношения. В частности, Свидригайлов напоминает ей, как они провели вместе много часов и им было вдвоем весьма комфортно. «А помните, как много мы в этом же роде и на эту же тему переговорили с вами вдвоем, сидя по вечерам на террасе в саду, каждый раз после ужина...». Признать то, что Дуня ненавидит Свидригайлова, было бы слишком просто. Это не была бы интрига в духе Ф.М. Достоевского.

В подтексте романа остается также и тот момент, кто же все-таки убил жену Свидригайлова. Дуня убеждена в его виновности.

Ф.М. Достоевский – мастер недосказанности, глубокого психологического подтекста. Мы не исключаем, что отношения Дуни и Свидригайлова сложны и глубоки потому, что и он, и она не равнодушны друг к другу. В тексте романа есть множество психологических деталей, свидетельствующих об этом. Однако они не могут быть вместе. Дуня никогда не сможет смириться с тем, что Свид-

ригайлов – убийца собственной жены (повторяем, в романе, как обычно у Ф.М. Достоевского, нет на это прямых свидетельств), но таковы убеждения Дуни, и они, скорее всего, верны. Дуня относится к тому типу русской женщины, которая скорее выйдет замуж «по здравому смыслу», «по добропорядочности», «как положено» (за Разумихина), кстати, не без любви, чем свяжет свою жизнь с «преступившим» и «развратным», таким, как Свидригайлов, для которого перепутались понятия зла и добра. Ради другого человека (брата) она готова была связать свою жизнь даже с ничтожеством (Лужин), но ни за что – с таким, как Свидригайлов. Она, как добропорядочная христианка, готова была отдать себя *в жертву* мерзкому Лужину, нежели признаться в возможном – скажем так! – в *телесном (греховном) влечении* к Свидригайлову. К тому же принять предложение Свидригайлова значит для нее слишком много – признаться самой себе в собственной любви к преступнику, «грязному и развратному» (как она его называет) человеку и тем самым уличить себя в греховных чувствах. Не зря Дуня – сестра Раскольникова. Она горда в своей добродетели. В добродетели тоже может быть скрыт грех, возможно, поэтому по православной традиции, для Христа предпочтительнее раскаявшиеся грешники, чем так называемые «праведники», ибо праведником быть в земном (видимом) пространстве практически невозможно. Не случайно самой трудной задачей для Ф.М. Достоевского было изображение «положительно прекрасного» человека.

Характер Свидригайлова – один из самых сложных у Ф.М. Достоевского. Для него любовь к Дуне – своего рода наказание. Это мучительная страсть – один из вариантов наказания за преступление. Наказание – потому

что Дуня не может ему ответить. В то же время отказ Дуни – для него тупик, поскольку мысль о самоубийстве уже в нем фактически созрела. Возможный выстрел Дуни – для него тоже вариант, так как в русской духовной традиции нет греха выше самоубийства, поскольку он лишает возможности покаяния. Для Ф.М. Достоевского этот характер – еще один образец человека, «отпавшего от Бога», окончательно убившего Его в себе. «Жизнь после смерти» для него – «банка с пауками». Пожалуй, любовь Дунечки была бы для него спасением, однако, этому не суждено было сбыться. Завершение сюжетной линии Свидригайлова – сон-бред, грязный кабак – трактир и самоубийство в ночное наводнение.

Художественный почерк Ф.М. Достоевского – изучение психологических свойств героев на наивысшем пике эмоционального напряжения.

Многочисленные тайны этого потрясающего художника слова, гениального психолога и пророка человечеству предстоит открывать еще долгие, долгие годы.

Список литературы

1. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 20 т. М.: Терра, 1998. Текст романа цитируется по изданию с указанием тома и страниц в тексте.

References

1. Dostoevskiy F.M. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow, Terra Publ., 1998. (In Russian).

Поступила в редакцию 17.02.2017 г.

Received 17 February 2017

UDC 801.73

ABOUT SOME METHODS OF F.M. DOSTOYEVSKY'S MYSTERY POETICS REALIZATION (BASING ON THE MATERIALS OF NOVELS "CRIME AND PUNISHMENT" AND "THE BROTHERS KARAMAZOV")

Lyudmila Evgenevna KHVOROVA

Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language as Foreign Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

Professor of Russian Language Faculty of Biykhanskiy Institute of Foreign Affairs

Tianjin Foreign Studies University

no. 117 Race Course Road, Hexi District, Tianjin, People's Republic of China

E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Tszou Khaopin

Master's Degree Student of Training Direction "Russian Literature"

Tianjin Foreign Studies University

E-mail: 958834058@qq.com

The notion "mystery" is one of the basic and favourite for F.M. Dostoyevsky. We can say, that F.M. Dostoyevsky himself as "biographic author" with all his creative work and as a human is still not studied, not understood, he is some kind of "great mystery". He is called writer-prophet, and his prophesies are revealed step by step, through some historical period of time. Being not only the great writer, but also a great psychologist, philosopher, the expert of human's soul, he wanted to study during all his life the depth of human's soul, the secrets of his thoughts, feelings, emotions. The main topic of his creative work he defined as: "The human is a mystery, and it should be solved, and if you are going to solve it during all your life, do not tell that you lost your life. I study this mystery, as I want to be human". I his first novel of the "Great Pentateuch" "Crime and Punishment" (1866) written after hard labour in exile, one of such deep mysteries is the soul of the main character Rodion Raskolnikov, who committed a hard crime – the murder for checking the theory. Since the creation of the time it is been 150 years, but the mystery of Raskolnikov's soul both as the mystery of many other characters, including the latest, unfinished novel "The Brothers Karamazov" is still a mystery, despite this novel both as all his creative works are studied from all points. In the aspect of "mystery" some features of characteristics both of separate characters (Raskolnikov, Raskolnikov – Ivan Karamazov, Svidrigaylov – Dunya) are considered, and some other plotlines (Raskolnikov – the father of Raskolnikov, Svidrigaylov – Dunya). The specifics of mystery at F.M. Dostoyevsky is expressed through different methods for example understatement (specific, individual manner of writing) dream – reality, half-conscious state – half-sleep state – death of Svidrigaylov, the relations of Svidrigaylov and his wife, Svidrigaylov and Dunya, motive fulfilling of some significant characters, including the images of subjects (axe – hatchet) and etc.

Key words: mystery; novel; plotlines; motive; semantic characteristics; subtext; understatement; dream; reality; images

Для цитирования: Хворова Л.Е., Цзоу Хаопин. О некоторых способах воплощения поэтики тайны Ф.М. Достоевского (на материале романов «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы») // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 2 (10). С. 25-30.

For citation: Khvorova L.E., Tszou Khaopin. O nekotorykh sposobakh voploshcheniya poetiki tayny F.M. Dostoevskogo (na materiale romanov «Prestuplenie i nakazanie» i «Brat'ya Karamazovy») [About some methods of F.M. Dostoyevsky's mystery poetics realization (Basing on the materials of novels "Crime and Punishment" and "The Brothers Karamazov")]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 2 (10), pp. 25-30. (In Russian).